

Игорь Поступальский
15 марта 1930
Ленинград

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

ЕВРЕИСКІЯ

ШОЭМЫ

изданіе второе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ЛОНИДЫ

1 9 2 0

Г Е О Р Г И Й Ш Е Н Г Е Л И

ЕВРЕИСКІЯ

П О Э М Ы

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО АОНИДЫ

1

9

2

0

СЕМИТЫ.

Разомкнуть горизонтъ, и на просторъ изъ плѣна
Прибоемъ яростнымъ летятъ сыны земли.
Въ излогахъ береговъ воздвигнулись кремли,
Сидона гавани и молы Кароагена.

А на глухой востокъ, гдѣ каменная пѣна
Ливанскихъ горъ горитъ, вся въ щебенной пыли,
Въ горящій зноемъ горнь упорно залегли,—
Въ двѣнадцате областей,— ревнивыя колѣна.

Ихъ черные глаза во глубь обращены,
Считаютъ вихри силъ въ провалахъ глубины,
Гдѣ въ темномъ зеркалѣ мерцаетъ ликъ Іеговы,

Гдѣ наковальнею и молотомъ душа
Сама въ себѣ плотнитъ навѣчныя оковы,
Вдали отъ вольныхъ водъ безвыходно грѣша.

ПУСТЫННИКЪ.

Полуднемъ пламеннымъ, средь каменныхъ долинъ,
Гдѣ тонко вьется нить безводнаго Кедрона,
Сбивая посохомъ горячій щебень склона,
Онъ тихо шествуетъ, безвыходно одинъ.

Присѣвъ въ пустой тѣни изсушенныхъ маслинъ,
Томительно глядитъ въ просторы небосклона,
И въ пепель древнихъ глазъ, въ бездонное ихъ лоно
Роняетъ яблоки незримый райскій кринь.

И въ глину твердую втыкая грузный посохъ,
Онъ вновь идетъ путемъ, хрустящимъ на откосахъ,
Пустыню вѣчную отпечатлѣвъ въ глазахъ.

И рыжимъ золотомъ подъ этимъ блѣднымъ небомъ
Плыветъ верблюжья шерсть на согнутыхъ плечахъ,
Тамъ, гдѣ Фаворъ прилегъ окаменѣлымъ хлѣбомъ.

ТЕГОВА.

Я, твой Господь, Я говорю тебѣ:
Мнѣ вѣдомо время предназначенья.
Въ Моихъ словахъ, въ ихъ каменной судьбѣ,
Страдающій да емлетъ утѣшенья.
Вся жизнь его навѣкъ обречена
Быть пламенемъ, сжигающимъ овна
На преданномъ, на кроткомъ воесожженьѣ.
Я—твой Господь. Подножіемъ Моимъ
Пребудешь ты до окончанья вѣка,—
И каждая молитва человѣка —
Моимъ ноздрямъ благоуханный дымъ.

И всей землѣ незыблемымъ закономъ
Неукротимыя кладу слова.
И каждый мигъ, надъ каждымъ женекимъ лономъ,
Надъ каждымъ рвомъ, гдѣ прячется трава,
На высотѣ, надъ облакомъ нагорнымъ,
Въ глубинахъ водъ, надъ финникомъ, надъ терномъ—
Ихъ власть, ихъ мощь стремительно жива:
Расчислены движенія и души,
Расчислены—и молотъ, и свирѣль,
И хлѣбъ, и градъ, и всѣ моря, всѣ суши,
Все взвѣшено,— и каждый шагъ есть цѣль.

Вода несетъ твоихъ ладей вѣтрила,
Питаешь злакъ тебя, и травы—скоть,
Сплетенья мышць перевиваетъ жила,
И согрѣваютъ волосы животъ.
Твои рабы оберегаютъ стадо.
Твоя жена,— въ ней для тебя услада,
И твердый мечъ—твоей земли оплотъ.
И самъ ты—огнь, Мнѣ жертву пепелящій,
Твой мозгъ—алтарь, гдѣ Мнѣ звучитъ хвала.
Моя рука не даромъ сберегла
Тебя надъ бездной, смертію грозящей.

Но я всеблагъ. Свободой одарилъ
Моихъ дѣтей слова, сердца и руки.
И слышу не бряцаніе кадилъ,
А ропота рокошующіе звуки.
Но Я и мудръ. И будетъ месть Моя
Не сѣрный дождь, не язва лезвія,—
Иныя Я на нихъ воздвигну муки.
Цѣль бытія отнимется у нихъ,
Цѣль бытія отторгнется отъ злобныхъ,
И задыхающихся въ смрадахъ гробныхъ
Я обойду движеньемъ стопъ Моихъ.

Быка, что человѣка забодаетъ,
Убьютъ колемъ и мяса не съѣдятъ.
Столѣтнимъ кедромъ, что не запылаетъ,
И вѣтокъ шалаша не подкрѣпятъ.
Невѣрный мечъ да сгинетъ въ вихрѣ горновъ,
Да канетъ въ кладезь нерадивый жерновъ.
Неплодная,—ей жизни во сто кратъ.
И Каину—жить долѣе живого,
Безплодный хлѣбъ навѣкъ бесплодно ѣсть.
Мнѣ не служить—Моя преступнымъ месть.
Такъ справедливый говоритъ легова.

МОИСЕЙ.

Ты родился въ раскатахъ грома
Подъ Фараоновымъ бичомъ.
Въ обмазанномъ смолой Содома
Корытѣ надъ глухимъ прудомъ
Лежалъ, качаемый волною,
Тая косноязычный крикъ,
И въ зной, налитый тишиною,
Его послать не могъ языкъ,
Стѣсненный Божіей рукою.
Возросъ. И при дворѣ царя,
Колышимъ гнѣвомъ неумнымъ
И волей сдавленной горя,
Ты всталъ проклятіемъ огромнымъ.
Клокоча и кипя какъ горнъ,
Ребенокъ на путяхъ витійства,
Ногами попирая тернъ,
Ты первое свершилъ убійство.
Бѣжалъ. Обжегъ пескомъ пустынь
Подошвы съ натруженной кожей
И видѣлъ въ зноѣ обликъ Божій

Неизглаголемыхъ святынь.
Ведя верблюда къ водопою,
Минуя каменистый склонъ,
Неопалимой купиною
Ты былъ навѣки опаленъ.
Багряное желѣзо сердца,
Какъ воскъ, оттиснуло печать,
И казней громовую рать
Обрушилъ ты на иновѣрца.
Какъ скалы непреодолимъ
Звалъ тьму и воды полнилъ кровью,
Проказу сѣялъ, вѣялъ дымъ,
Твоимъ велѣньемъ Серафимъ
Прошелъ по каждому становью
Съ мечемъ губительнымъ своимъ.
И темной смертью потрясая,
Ты одолѣлъ неравный торгъ
И плѣнь трехвѣковой расторгъ,
И вывелъ свой народъ изъ края,
Гдѣ каждый глиняный кирпичъ
Замѣшанъ былъ на дѣтской крови,
Гдѣ истекалъ въ безсильномъ зовѣ
Непрекращающійся кличъ.
И сорокъ лѣтъ въ пескахъ пустыни
Твой вился, твой метался слѣдъ,
И ропоты, и крикъ гордыни,—

Ты сокрушалъ ихъ сорокъ лѣтъ.
Ты мѣднаго воздвигнулъ змія,
Ты золотого сжегъ тельца
И пепломъ воды ключевыя
Заквасилъ ты, и до конца
Ихъ пили павшіе въ порокахъ.
Въ тѣснинахъ, на горахъ высокихъ
Въ борьбѣ съ напоромъ вражьихъ силъ
Ты всталъ въ моленіи трехдневномъ
И, къ небесамъ въ упорствѣ гнѣвномъ
Вздѣвъ руки, ихъ окостенилъ.
И говоря въ Синайскихъ громахъ
Съ желѣзногласымъ Божествомъ,
Ты выбилъ въ каменныхъ отломахъ
Законы вѣковымъ рѣзцомъ.
И яро раздробивъ скрижали
У ногъ отпадшихъ сыновей,
Вновь шель ты въ громовыя дали
Средь вулканическихъ зыбей.
И Богу рекъ:—Не смѣй карать ихъ!
А если нѣтъ,—то и меня
Извергни въ огненныхъ проклятьяхъ
Изъ вѣчной книги бытія!—
И къ утру, помертвѣвъ въ печали,
Ты головы поднять не могъ.
А надъ тобой покорный Богъ
Чеканилъ новыя скрижали.

АВИСАГА.

Подобно углю, что, истекши жаромъ,
Холодной опыляется золой,—
Пѣвецъ Давидъ скрываетъ пеленой
Плеча, неопаленныя загаромъ.

На ноги тянетъ теплые мѣха,
Велитъ жаровни разожечь у ложа,
Но старческая ледянѣтъ кожа,
И сердца жизнь—неслышимо тиха.

Но въ жаркій полумракъ опочивальни,
Въ дыханіе сандаловыхъ углей
Вдругъ вбрызгивается просторъ полей,
Полынный, пряный духъ долины дальней:

Безропотна, испуганна, проста
Суннамитянка входитъ Ависага.
Плыветъ очей сапфировая влага,
И рдѣетъ смуглой кожи теплота.

И душно откинувъ покрывало,
Скрываючи томленьє и испугъ,
Она сплетеніемъ горячихъ рукъ
Царя больную грудь опеленала.

И къ ней прильнувши грудью золотой,
Надъ мглой царевыхъ глазъ клоня рѣсеницы,
Сіяла теплымъ взглядомъ кобылицы
И дрожью мышцъ передавала зной.

И грѣющее было сладко бремя,
И оживленный призываетъ царь
Начальника пѣвцовъ и хоръ, какъ встарь,
Ладонью прикрываетъ лобъ и темя.

И—огненосный пѣнится псаломъ,
Какъ смоквы зрѣлыя, спадаютъ звуки,
Въ нихъ клокотаніе послѣдней муки,
Послѣдней радости свѣжащій громъ.

А Ависага простираетъ взоры,
Не слушаетъ великаго пѣвца:
Предъ нею солнце, солнце безъ конца
И знойныя, ея родныя горы.

ЭККЛЕЗИАСТЪ.

Закать отбагровѣлъ надъ сѣрой грудой горъ,
Но темнымъ пурпуромъ еще пылають ткани,
И цѣпенѣеть кедръ, тоскуя о Ливанѣ,
Въ заемномъ пламени свой вычертя узоръ.

И черноугольный вперя въ стѣну взоръ,
Великолѣпный царь, къ вискамъ прижавши длани,
Вновь вержетъ на вѣсы движенья, споры, брани
И сдавленно хулить свой съ Богомъ договоръ.

Раздавленъ мудростью, всевѣдѣньемъ проклятымъ,
Онъ, въ жертву отданный плодамъ и ароматамъ,
Гдѣ тлѣніе и смерть свой взбороздили слѣдъ,—

Свой духъ сжигаетъ онъ и горькой дышетъ гарью.
— Тростникъ! Свѣтильники! — и нѣжной киноварью
Чертить на хартіи: Все суета суетъ.

РАЗРУШЕНІЕ.

Кровь стала сгустками отъ жажды воспаленной.
Иссохшая гортань не пропускала хлѣбъ.
И городъ царственный весь превратился въ склепъ.
И въ знойныхъ улицахъ клубился паръ зловонный.

И вотъ—задавлены. Искромсаны колонны,
И покоренный царь подъ иглами ослѣпъ,
И побѣдители, какъ по пшеницѣ цѣпъ,
Прошли по всей странѣ грозюю изступленной.

Изъ чаши жертвенной поили лошадей,
Издрали мантии для сѣделъ и возжей,
И Лѣтопись Царей навѣкъ запечатлѣли.

Минувшимъ, небылымъ святая стала' быть.
Но въ Рамѣ выжженной восплакала Рахиль
И тѣ рыданія сквозь время пролетѣли.

КРОВЬ ЗАХАРИИ.

Захарія убитъ. И кровь его семь лѣтъ
Стояла лужею, клубясь горячимъ паромъ,
О преступленіи вѣщая въ гнѣвъ яромъ
И Господа моля о непосланье бѣдъ.

И кровью теплою свой окропля слѣдъ
Навуходносоръ желѣзнымъ палъ ударомъ;
Иерусалимъ овить клокочущимъ пожаромъ,—
Но кровь Захаріи, — какъ неизбывный бредъ.

Откуда эта кровь? — царь спросилъ евреевъ,
И сжегши сто быковъ и пепломъ кровь усѣявъ,
Вновь лужу свѣжую узрѣлъ на мѣстѣ томъ.

Сто юношей онъ сжегъ, и такъ же кровь пылала.
— Тогда я весь народъ здѣсь поражу мечемъ! —
И семилѣтнюю тоску земля — впитала.

ГРЯДУЩІЙ.

Князь отъ Іуды оскудѣлъ,
И Воинъ не пріидеть болѣ,
И на Давидовомъ престолѣ
Четвертовластникъ тяжело сѣлъ.
И на священныхъ высотахъ
Воздвиглись капища Ваала,
И мерзость перекочевала
На жертвенный, на древній прахъ.
У Божьяго святого дома
Умяли площадь ипподрома,
Метали дискъ и гнули лукъ,
Ремнями мерзостныхъ подиругъ
На Вакховы пиры и пляски
Влекли Левіиныхъ сыновъ,
Срывали съ дочерей завязки
Ихъ берегущихъ поясовъ.

Священниковъ колесовали,
Топили въ быстринѣ рѣки,
Пророкамъ очи выжигали
И вырывали языки.
И матерей, что обожгли
Дѣтей печатью обрѣзанья,
Влекли на смерть и поруганья,—
Нагими по землѣ влекли,
И взявъ младенческіе трупы,
Крѣпили къ высохшимъ сосцамъ,
И тамъ, гдѣ приземился Храмъ,
И гдѣ Стѣна свои уступы
Взнесла къ безмолвнымъ небесамъ,—
Ихъ повергали въ пепель смрадный...
Такъ всталъ кровавый и громадный,
Захлещнутый проклятьемъ вѣкъ.

И страстный изступленный бѣгъ
Стремилъ кровь въ стѣненныхъ жилахъ,
Стремилъ мысль: когда жъ придетъ?
Когда жъ Мессія на могилахъ
Побѣдный жертвенникъ возжетъ?
Когда жъ подь виноградной кущей
Израиль вкуситъ миръ и медь?
Когда жъ воздвигнетъ свой народъ
Мессія, вождь и царь грядущій?

И былъ закатъ. Въ пескахъ пустыни
Кипѣлъ и клочоталъ багрець,
И воспаленныя твердыни,—
Какъ цѣпь проколотыхъ сердець.
За жребіемъ метали жребій
Въ зубцахъ закатнаго вѣнца,
И пламенѣли въ гнѣвномъ небѣ
Дориносимыя сердца.
И въ этотъ часъ надъ рдяной гранью,
Какъ сердце скованной земли,
Возсталъ въ дымящейся пыли
Идущій!

Обожженной дланью
Онъ стиснулъ кипарисъ жезла,
И власяница облекла
И шеи стволъ окровянила.
Какъ рыжіи лѣсъ въ скалахъ Кармила
Вокругъ гигантскаго чела
Взметнулась грива. Пали брови
У глазъ, какъ терніе куста,
И обогранныя уста
Позапеклись межъ сгустковъ крови.—
Какъ будто вырванъ былъ языкъ,
И мечъ архангела былъ вдвинуть,
И вѣчно въ небо запрокинуть
Остался изступленный ликъ.

Гряди, Пророкъ! Созрѣло время.
Сѣкира ждетъ. Гряди, Пророкъ!
Народъ въ оковахъ изнемогъ.
И выю надломило бремя.
Гряди! Какъ уголь — сердца людей,
И ты — да поднесешь къ нимъ пламень,
Да просвиститъ, какъ пращный камень,
Звукъ яростныхъ твоихъ рѣчей.
И онъ идетъ Тиверіадою,
Идетъ на Іорданскій берегъ,
И напрягаютъ жадный бѣгъ
Къ нему народы за отрадой,
За покаяньемъ, за клеймомъ.
Крестя водою и огнемъ,
Идетъ по высотамъ и доламъ,
По пастбищамъ, шатрамъ и селамъ.
И царскій потрясаетъ домъ
Громоклокочущимъ глаголомъ.

Вотъ полдень. Плещетъ Іорданъ.
И солнце жжетъ. И вѣтръ подавленъ.
И въ воду погрузивши станъ,
Стоитъ громадный Іоаннъ,
Полдненнымъ золотомъ оплавленъ.
Стѣснился стекшійся народъ,
Клубясь бѣлоодежнымъ стадомъ,

Прильнуль къ уваламъ и оградамъ,
Глядитъ и слушаетъ, и ждетъ.
Но что такая тишина?
Тамъ къ Іоанну приступили,
Пытають: — Прореки намъ, ты ли,
О комъ пророки говорили,
Чья мощь была предречена?
На полъ гнойныхъ отверженій
Стоимъ во тьмѣ и смертной тѣни
И ждемъ. Гласилъ намъ Моисей,
И Ілія гремѣлъ, Исая
Рыкалъ, какъ левъ. Но ты — сильнѣй,
Ты — какъ Господь въ громахъ Синая.
Такъ прореки намъ, — ты ли, ты
Пришелъ спасти народъ избранный,
На нечестивыхъ грохотъ бранный
Обрушить съ гнѣвной высоты?
Воздвигнуть храмъ ли, кущей рая ль
Отучнить скорбныя поля,
Чтобъ вся увидѣла земля,
Какъ Богомъ вознесенъ Израиль?
Твоя — какъ солнце голева,
Твоя — какъ кедръ Ливанскій выя,
Какъ Пятикнижіе — слова, —
Такъ прореки намъ, — ты — Мессія?

И какъ подземный грузный гуль
Пролилея голосъ Іоанна:
— Не говорите невозбранно:
Вѣкъ испытанья не минуль.
Я,— я не тотъ, кого вы ждали.
Но Онъ грядетъ. И близокъ день.
И знайте: — у его сандалій
Я не достоинъ снять ремень.

ПРОРОКЪ.

Свинцовая раскалена печать
И, зашипѣвъ, отпечатлѣлась въ кожѣ,
И пышетъ, точно горнъ, рубецъ кровавый,
Прижавшійся къ бесплодному соску.
Но каплетъ пламенѣющее млеко
Мнѣ подъ ноги на всѣхъ моихъ путяхъ,
И стопъ моихъ пергаментная кожа
Осыпана въ пыли изсохшей кровью.
Глаза другихъ скользятъ по ровнымъ строкамъ,
Сердца другихъ скользятъ надъ словомъ звонкимъ,
А я утесы словъ и жала мыслей
Ощупальъ всѣмъ моимъ избитымъ тѣломъ,
Я изглодалъ желѣзныя просфоры,
Вѣками скованныя для меня.
Я былъ на той горѣ. Оттуда видѣлъ,
Какъ вѣютъ рудной золотою зернью
Богатства неисчислимыя царствъ.
Я слышалъ голосъ, предлагавшій злато,
Сулившій славу, власть. Но жгла мнѣ пальцы
Точившаяся изъ ожога кровь,

И ѣдкою я обтиралъ полынью
Ожженные, израненныя ноги.
Я видѣлъ обагреныя колеса,
Я видѣлъ дыбы душъ, жаровни тѣла,
Я чуялъ Бога въ облакѣ проклятій.
Ихъ шопотомъ змѣинымъ оклубясь,
Весь оцетинился онъ лютымъ гнѣвомъ
И человѣка жегъ своимъ жезломъ.
Но не мольбы исторглись человѣкомъ
Изъ кровью позапекшейся гортани,
А новыя крикливыя проклятья
Клубились дымами и застилала,
Какъ дымъ отъ Каинова алтаря.
Иные дымы — Авелевыхъ агнцевъ...
Ты виновать, Іегова изступленный,
Что въ тяжкій бой, отъ вѣка возметенный,
Вступилъ съ отвергнутой отъ вѣка волей.
Ты создалъ все; ты могъ пребыть недвижнымъ.
Ты жаждалъ самохвальныхъ упоеній,—
Ты сомнѣвался въ божествѣ твоємъ.
Не ты ли хлынулъ волнами потопа?
Не ты ли змѣй порасплодилъ на пашняхъ?
Не ты ли чумно задышалъ надъ міромъ?
Не ты ль гремѣлъ послѣднею войной?
А нынѣ эти каменные стогны,
Стекломъ безглазымъ скованное небо,

Машиной взнузданные водопады,—
Нерасторжимый, неизбывный плѣнь.
А мириады,— кто исчислить, взвѣсить? —
Людей, чей мозгъ насквозь пропитанъ болью.
Людей, чье тѣло — громовые вопли,
Висящіе въ гнилыхъ пустотахъ душъ.
Ты не считалъ задушенныхъ поэтовъ,
Ты не слышалъ истерзанныхъ пророковъ,
Ты не видалъ тѣхъ матерей, чьи рты
Сосали кровь извергнутыхъ до срока.
Но нѣтъ. Ты видѣлъ, зналъ. Ты смѣлъ метаться,
Ты смѣлъ витать надъ опаленнымъ міромъ,
О голову его крушить скрижали,
Гдѣ въ камень вкованъ каменный законъ.
Но не напрасно кровь моя точилась,—
Не пустота въ моемъ рождалась сердцѣ:
Оно круглилось пламенною чашей,—
Неся въ себѣ, ее подѣмлю я.
Ты ждешь алтарныхъ звонкихъ восклицаній,
Ты ѳиміамовъ жаждешь благовонныхъ,—
Я дамъ тебѣ ихъ,— отпусти людей.
По моему велѣнью встанутъ храмы,
Колѣнопреклоненья сотворятся,
Весь міръ тебѣ прозвякаетъ кадиломъ,
Твой обликъ передъ міромъ измѣню я,—
Твой грѣхъ я принимаю на себя.

Какъ тотъ забытый галилейскій плотникъ,
Чья боль бесплодно затерялась въ даляхъ,
На новый крестъ взойду я непреклонно,
Твой грѣхъ я принимаю на себя.

И пусть проклятья всѣ, всю боль и ярость
Разверзнетъ міръ надъ головой моею,
Пусть девять сутокъ на крестѣ вишу я,
Пусть девять коній мнѣ ребро понижутъ,
Пусть мнѣ не возведутъ высокихъ храмовъ,
Не призовутъ меня на литургіи,
Пусть имя, что ношу я, вѣчно будетъ
Подобнымъ имени Искаріота.

И новый Дантъ меня съ проклятьемъ ввергнетъ
Въ девятый кругъ извѣчныхъ отверженій,—
Твой грѣхъ я принимаю на себя.

И пусть вѣка вѣковъ въ провалѣ черномъ
Мой трупъ грызутъ другіе мертвецы,—
Я за тебя снесу лихіе гнѣвы,
И ликъ твой снова засіяетъ свѣтомъ,
И люди принадлежатъ къ тебѣ съ молебномъ,
Твой грѣхъ приму я,— отпусти людей.

СПИНОЗА.

Они разсѣяны. И тихій Амстердамъ
Доброжелательно отвелъ имъ два квартала,
И желтая вода отточнаго канала
Въ себѣ удвоила ихъ небогатый храмъ.

Ростя презрѣніе къ невѣрнымъ племенамъ,
И въ сердцѣ бередя невынутое жало,
Ихъ боль извѣчная имъ руки спеленала
И быть едиными имъ повелѣла тамъ.

А нѣжный ихъ мудрецъ не почитаетъ Тору,
Съ эпикурейцами онъ предается спору
И въ часъ, когда горять свѣтильники субботъ,

Онъ, наклонясь къ столу, шлифуетъ чечевицы,
Иль мыслить о судьбѣ и далѣ ведетъ
Трактата грѣшнаго безумныя страницы.

ХРАМЪ.

Побѣдоноснаго Израиля оплоть
И Бога Вышняго пріють неистребимый!
Гдѣ слава гордая? Исчезла, точно дымы,
И въ трещинахъ стѣны убогій мохъ растеть,

Да юркая пчела, собирая дикій медь,
Жужжитъ и вьется тамъ, гдѣ пѣли серафимы,
И вѣковѣчною стальной тоской томимый
У вратъ святилища рыданья леть народъ.

Но храмъ разрушенный все былъ на стражѣ Бога:
Когда Отступника влекла его дорога,
И Ягве алтари онъ далъ богамъ земнымъ,—

Вкругъ идоловъ огонь запылхалъ багряно.
Израиль, радуйся развалинамъ твоимъ:
Въ нихъ гробъ язычества и плаха Юліана.

ІУДЕИ.

Народъ, чье имя — отгулье Іуды,
Влачащій на себѣ его судьбу,—
О, не въ твоємъ ли замкнутомъ гробу
Созрѣли пламенѣющія руды?

Не тамъ ли Богъ сокрылъ свою трубу,
Чей вошь смететь послѣднія заруды,
Когда на судъ прихлынуть труповъ груды,
И гордый царь поклонится рабу?

Народъ! Влачи звенящія оковы:
Ты избранъ повелѣніемъ Іеговы
Распространить священные лучи.

И міру благовѣствуя спасенье,
Иди! Иди закланцемъ отпущенья,
И о своемъ страданіи — молчи.

С О Д Е Р Ж А Н І Е:

Семиты	5
Пустынникъ	6
Іегова	7
Моисей	10
Ависага	13
Экклезіастъ	15
Разрушеніе	16
Кровь Захаріи	17
Грядущій	18
Пророкъ	24
Спиноза	28
Храмъ	29
Іудеи	30

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СТИХИ:

Гонгъ. Изд. I и II. (Распрод.)

Раковина. (Распрод.)

Еврейскія поэмы. Изд. I. (Распрод.)

МОНОГРАФІИ:

Два „Памятника“. (Распрод.)

Трактатъ о стихѣ. (Готовится).

ПЕРЕВОДЫ:

Эредіа. Избр. сонеты.

Леконтъ де Лиль. Избр. поэмы. (Готовится).